

77833

КРАВКОВ, С. В.

77833 ОЧЕРК ПСИХОЛОГИИ.

77833

ПРОП. - ЕНО

V.N. Karazin Kharkiv National University

01297711

2

Берегите книгу

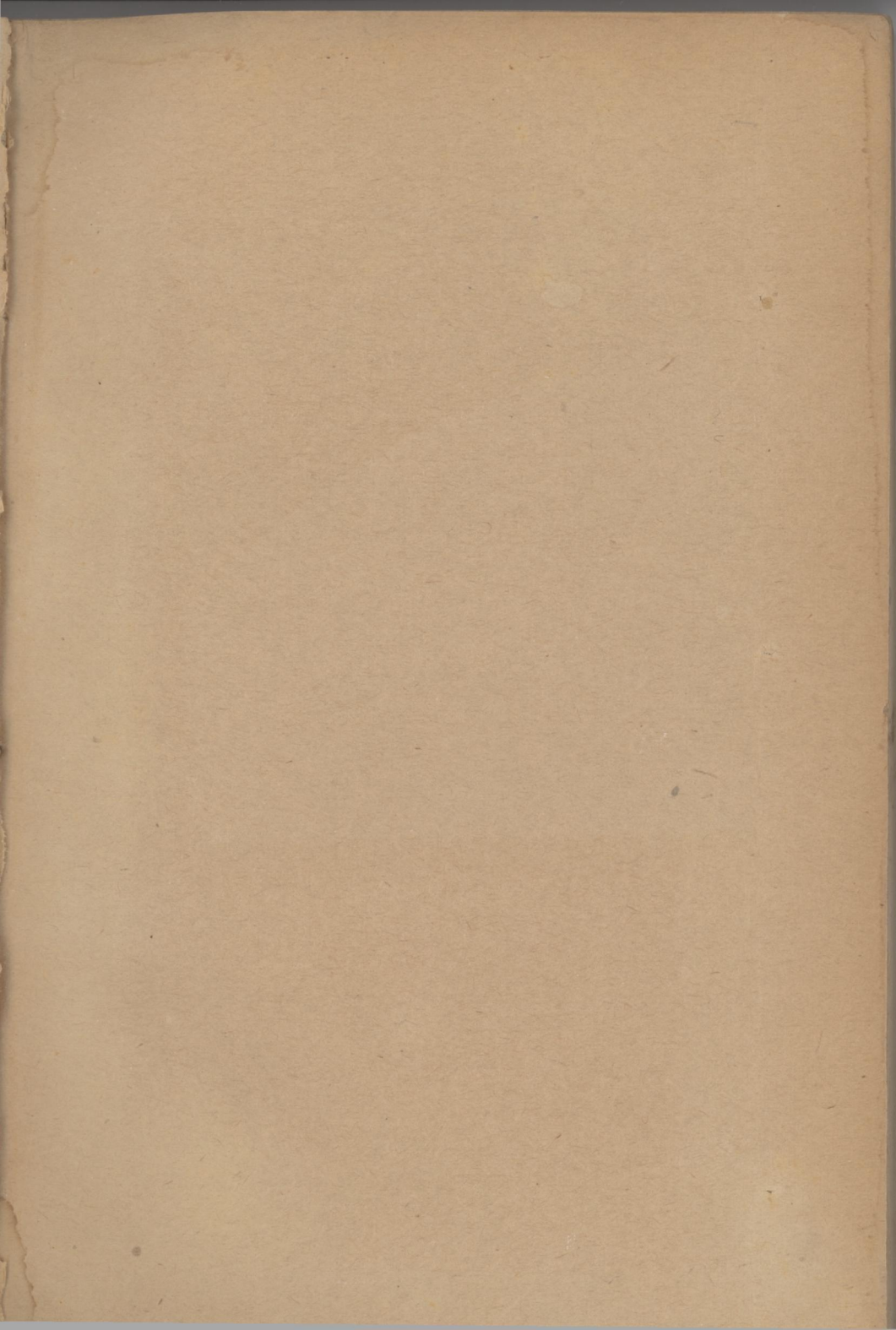
Не перегибайте книгу
во время чтения

Не загибайте углов

Не делайте надписей на книге

Не смачивайте пальцев слюною
перелистывая книгу

Завертывайте книгу в бумагу.

23

С. В. КРАВКОВ

**ОЧЕРК
ПСИХОЛОГИИ**

Издательство „РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ“

при ЦК Проф. Союза работников просвещения СССР.

Москва, Воздвиженка, 10. Тел. торгов. отдела 5-72 98.

ИЗ КАТАЛОГА ИЗДАТЕЛЬСТВА.

ПЕДАГОГИКА.

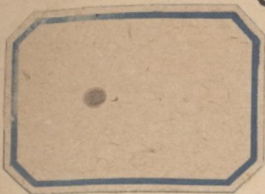
- Блонский, П.—Педагогика. Ц. 80 к.
Блонский, П.—Педология. Ц. 2 р.
Блонский, П.—Основы педагогики. Ц. 1 р. 25 к.
Медынский, Е.—История педагогики в связи с экономическим развитием общества. Ц. 2 р.
Пинкевич, А.—Введение в педагогику. Ц. 80 к.
Пинкевич, А.—Педагогика, том 1-й—«Теория воспитания», переработанное и дополненное 3-е изд. (Печатается.)
Пинкевич, А.—Педагогика, том II—«Трудовая школа». Ц. 1 р. 15 к.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ.

- Годанн, М.—Беседы с молодежью по половому вопросу. Ц. 70 к.
Гранат, Е., д-р.—Школьник, береги свое здоровье (заразные болезни). Ц. 8 к.
Дьюи, Д., проф.—Школа и общество. Перевод с английского с предисловием С. Шацкого. Ц. 60 к.
Ивановский, П. Физическая культура в школе. Ц. 15 к.
Игнатьев, В.—Основы физической культуры. Ц. 40 к.
Иорданский, Н.—Основы и практика социального воспитания. Ц. 1 р. 20 к.
Кардашев.—В часы досуга. Руководство к самостоятельному выполнению работ по металлу, дереву, картону и проч. и постройке приборов и моделей для научных развлечений. (Печатается.)
Алис-де-Кед., руководительница педагогического института Ж.-Ж. Руссо в Женеве.—Воспитание и обучение аномальных детей. (Печатается.)
Крупская, Н.—Советская школа. Ц. 15 к.
Крупская, Н.—Заветы Ленина в области народного просвещения. Ц. 15 к.
Крупская, Н.—Коллективная работа учителя. Ц. 10 к.
Ленин, Н. (В. Ульянов).—Социалистическая революция и задачи просвещения. Статьи и речи. Ц. 40 к.
Леонов, Н.—Отрывной календарь школьника. (Печатается.)
Лившиц, Е.—Социальные корни беспризорности. Ц. 1 р. 50 к.
Луначарский, А.—Основы просветительной политики советской власти. Ц. 15 к.
Луначарский, А.—Проблемы народного образования. Ц. 1 р. 40 к.
Луначарский, А.—Третий фронт. Сборник статей. Ц. 1 р.
Меде, В., и Пиорковский, Г.—Детская одаренность. Сборник статей. Ц. 75 к.
Плюсин-Кронин, Б. Новый этап. Новая система народного образования в РСФСР и новые программы ГУС'а. Ц. 50 к.
Прушицкая, Р.—Дошкольное воспитание и современность. Ц. 35 к.
Расмуссен.—Психология ребенка. (Печатается.)
Рыков, А.—Очеркные задачи советской власти и учительство. Ц. 20 к.
Современная практика социального воспитания. Сборник статей с предисловием Н. Крупской. Ц. 1 р. 50 к.
Среда—воспитатель и проблемы детского сада. Сборник под ред. С. Шацкого. Ц. 45 к.
Тюрякулов, Н.—Национальный вопрос и школа. Ц. 15 к.
Шульгин, В.—Маркс и Энгельс в их педагогических высказываниях. Ц. 35 к.
Шульгин, В.—Основные вопросы социального воспитания. Ц. 35 к.
Шульгин, В.—Общественная работа школы и программы ГУС'а. Ц. 35 к.
Шапиро, Я. С.—Вопросы гигиены воспитания (Пионерское движение, трудовая школа, школа фабзавуч.) Ред. и предисловие А. В. Молькова. (Печатается.)

С. В. КРАВКОВ

34

35

ПРОРОБАЧНО

ОЧЕРК ПСИХОЛОГИИ

БИБЛИОТЕКА
УЧЕБНО-НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
УЧЕБНО-НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ

ЗАКРЕСЛЕНО

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА Х.Д.У.
№ 27833

~~БІБЛІОТЕКА~~
Українського інституту
МАРКСИЗМУ-ЛЕНІНИЗМУ
№ 16831

ИЗДАТЕЛЬСТВО
РАБОТНИК
ПРОСВЕЩЕНИЯ
МОСКВА - 1925

Проверено
ШНБ 1939

V45

1995

5-я ТИПОГРАФИЯ
«ТРАНСПЕЧАТИ» НКПС
«ПРОЛЕТАРСКОЕ СЛОВО»
Южный пер., д. № 4.

От издательства.

Выпуская в свет предлагаемую книгу, издательство рассматривает ее, как полезное пособие по эмпирической психологии, но вполне отдаст себе отчет в том, что она отнюдь не может заменить собою выдержанного марксистского руководства по психологии. Задача построения такого руководства, впрочем, далеко еще не решена: предстоит еще большая и сложная работа по пересмотру основных положений современной американской «науки о поведении человека», учения об условных рефлексах, методов так называемой объективной психологии и т. д. в смысле использования их положительного содержания под углом зрения диалектического материализма. До сих пор сделанные попытки такого пересмотра заслуживают всяческого внимания, но окончательная договоренность по такому важному вопросу будет достигнута, разумеется, только после большой коллективной работы марксистов психологов и социологов.

Предисловие.

Цель предлагаемого очерка—ознакомить читателя с основными, наиболее твердо *установленными фактами и закономерностями психической жизни*, считаться с которыми особенно необходимо каждому педагогу. Излишне, я думаю, доказывать, что, каким бы видоизменениям ни подвергалось школьное устройство, методы и программы обучения, педагогу все же придется иметь дело с подрастающим человеком, т.-е. с некоторым сложным аппаратом, именуемым человеческой личностью.

Останавливаться на сложных методологических и теоретических вопросах психологии мы всячески избегали, полагая, что знакомство с ними важно специалисту-исследователю в этой области, а не педагогу, который по справедливости больше желает узнать от психолога именно об установленных фактах, которые бы ему, можно было учитывать в своей практике.

Предлагаемый очерк есть очерк общей психологии. Нам кажется бесспорным, что понимание психологии индивидуальной, социальной и всякой иной невозможно без знания психологии общей, как невозможно, например, понимание профессиональной гигиены без знания общей гигиены.

Очерк рассчитан на читателя, умеющего читать не трудные, серьезные книги. Изложение мы старались сделать возможно простым (специальные термины разъясняются, утверждения иллюстрируются по возможности примерами).

Оправданием появления «Очерка» в свет в настоящее время может служить, как нам кажется, отсутствие на книжном рынке сочинений, носящих такой же характер и учитывающих в достаточной мере более новые достижения как в области самой психологии, так и в области некоторых важных вспомогательных для нее дисциплин (рефлексологии и физиологии вообще), что посильно стремились сделать мы.

При составлении предлагаемого очерка автор старался использовать свой опыт, приобретенный им при неоднократном чтении психологических курсов как на летних курсах для народных учителей, так и в некоторых высших учебных заведениях гор. Москвы.

С. В. Кравков.

І. Общая часть.

«Natura parendo vincitur».

Васо.

«Подчинить себе природу мы можем, лишь подчиняясь ее законам».

Бэкон.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Целостность психо-физического существа.

§ 1. Умственное развитие и мозг.

Основным, важным фактом психологии, с коим необходимо всегда считаться педагогу, является *факт тесной взаимной связности душевных и телесных свойств нашего существа*. Старая мудрость, выраженная в суждении «в здоровом теле—здоровый дух», имеет в виду эту связь, выясняемую в последнее время в науке все с большей ясностью, полнотою и точностью.

Если мы возьмем детей и распределим их на группы, с одной стороны, по умственному уровню их, с другой—по степени их физического развития, то оказывается, что наибольшее число умственно отсталых детей приходится на группу детей, стоящих по состоянию своего физического развития ниже нормы. Напротив, умственно отсталых будет всего меньше среди преждевременно физически развитых детей. Однако необходимо заметить, что подобного рода соотношение, найденное между прочим исследованиями французского психолога *Бинэ*, верно лишь *в среднем*, при условии обследования большого числа детей. По отношению же к отдельным индивидуумам может дело в иных случаях обстоять и сложнее: известный процент умственно высокоодаренных встречаем мы и среди детей физически отсталых. Это обстоятельство заставляет нас предполагать, что у этих, в общем физически отсталых, детей та

часть их организма, которая стоит в наиболее тесной и прямой связи с психическими свойствами, оказывается развитой все же нормально или даже выше нормы. Мы утверждаем в таких случаях, что их *головной мозг*, несмотря на общую физическую отсталость, развит хорошо. Ряд фактов и соображений говорит в пользу того, что наше умственное развитие стоит в прямой связи именно с нашим большим мозгом. Нарушения жизни мозга вследствие кровоизлияния в кору мозговых полушарий или закупорки кровеносных сосудов мозга, называемые в просторечии ударом, влекут за собою обычно, как известно, потерю сознания с последующими явными расстройствами памяти и мышления. Специальные опыты над животными показали, что способность животных выучиваться, поддаваться дрессировке—«понимать» окружающее—безусловно утрачивается в случае потери ими большого мозга. Лишенная большого мозга собака—в известных опытах *Гольца*—потеряла все свои умения, связанные с деятельностью памяти. Так, она уже не была в состоянии искать себе пищу, не узнавала хозяина и своих сотоварищей, не понимала угроз и ласк,—словом, стала, казалось, собакою вполне «глупой». Делались попытки провести параллель между высотой психического (умственного) развития различных живых существ и весом их мозга. При этом следовало учитывать как абсолютный, так и относительный, по отношению к весу всего тела, вес его. Оказалось, что человек занимает в этом смысле действительно исключительное место: ни одно другое животное не имеет столь тяжелого по своей абсолютной величине мозга в сочетании со столь большим относительным его весом. Если допустить, что при постоянном весе тела интеллигентность пропорциональна просто весу головного мозга M , а при различном весе тела пропорциональна его относительному весу, т.е. $\frac{M}{T}$, то для нахождения показательной цифры, учитывающей зараз и абсолютный и относительный вес мозга, надо взять произведение $M \times \frac{M}{T}$, т.е. $\frac{M^2}{T}$ (по Леману). Эта величина, повидимому, действительно соответствует хорошо обычному распределению животных по степени их интеллигентности, что можно видеть из нижеследующих данных: первые цифры обозначают абсолютный вес мозга в граммах, цифры же в скобках—величину $\frac{M^2}{T}$.

Человек	1360 (38,0)
Оранг-утан	400 (7,8)
Слон	4500 (6,0)
Лошадь	650 (1,6)
Кит	6000 (0,46)
Маленькие птицы.	2 (0,17).

Многие выдающиеся по своим умственным способностям люди имели и мозг более тяжелый, чем мозг обыкновенного, среднего человека. Так, в то время как средний вес мозга мужчины кавказской расы равен приблизительно 1.400 граммам,

мозг Байрона	весил.	2238 гр.
» Кромвеля	»	2233 »
» Кювье	»	1830 »
» Гаусса	»	1492 »
» Гельмгольца	»	1430 »
» Бисмарка	»	1800 »
» Шиллера	»	1785 »
» Тургенева	»	2312 »

Установлено далее, что головной мозг культурного европейца тяжелее мозга дикаря, а также и то, что полость черепа европейца с течением времени, из столетия в столетие, все увеличивается. По данным *Брокд*, средняя величина из измерений объема 125-ти черепов необразованных людей XIII—XVII столетий равняется 1409 кубическим сантиметрам, средняя же из измерений того же числа черепов, относящихся в XVIII веку, дала уже 1461 куб. сант.

Но уже и из вышеприведенных примеров можно видеть, что у иных гениальных людей мозг все же был очень не на много тяжелее нормы. Таковы, напр., мозги Гельмгольца и Гаусса. Поэтому в настоящее время интеллектуальные свойства ставятся в связь *не столько с весом головного мозга, сколько с количеством извилин его коры*, от чего зависит величина поверхности мозга. Нижеприводимый рис. 1 и показывает нам громадные различия, существующие в этом отношении между мозгами отдельных людей.

Но и это не есть, конечно, окончательное решение вопроса. Следует думать, что умственные и вообще психические качества стоят в связи с более тонкими и внутренними особенностями мозга. При этом необходимо иметь в виду не только анатомические, но и химико-функциональные его особенности.

Несомненно, что не только анатомическое строение, но и химические свойства нашего мозга имеют громадное значение для нашей психической жизни. Всем нам хорошо известны те изменения в нашей психике, которые наблюдаются при отра-

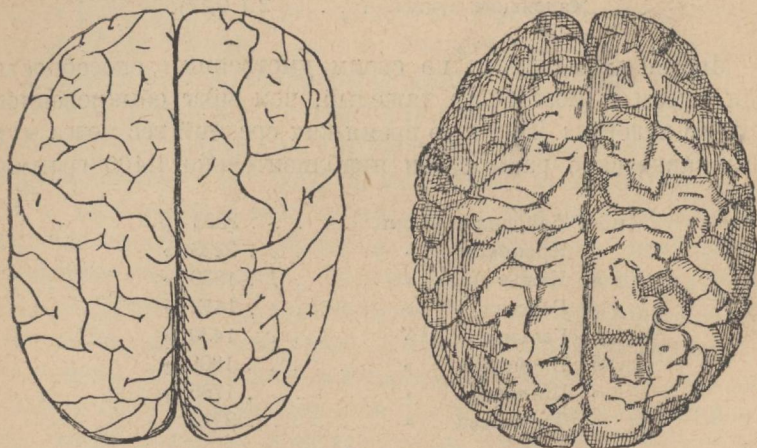

Рис. 1.

Нормальный мозг мужчины.

Мозг математика Гаусса.

влениях алкоголем, эфиром и др. веществами, влияющими на состояние нашего мозга. По данным некоторых исследований, мозг душевно-больных по своему химическому составу отличается от мозга людей здоровых.

§ 2. Роль желез внутренней секреции.

А так как химические изменения в мозгу (равно как и его вес, поверхность и строение) находятся в зависимости от строения и жизни всего того телесного организма, к которому он принадлежит, то и представляется совершенно правильным и естественным поставить вопрос шире и говорить уже не о взаимоотношении нашей психической жизни с *мозгом*, но о связи наших психических особенностей с особенностями строения и функционирования *нашего тела вообще*. Последняя точка зрения в настоящее время и приобретает все более широкое распространение, суля психологу, а вместе с ним и педагогу заманчивые перспективы уяснения основных и доселе скрытых законов нашего психо-физического существа. Чрезвычайно широкие горизонты в этом отношении открывает перед нами *изучение роли желез внутренней секреции* (так наз.

эндокринных желез), предпринимаемое биологами, физиологами и медиками.

У нас в организме на ряду с железами, отдающими свои выделения вовне (как то делают почки, железы потовые, слезные, пищеварительные и др.), имеется ряд желез, не имеющих особого выходного протока и выделяющих свой секрет прямо в кровь. Таковыми эндокринными железами, или железами внутренней секреции, являются, например, *щитовидная железа*, лежащая по обеим сторонам гортани, *надпочечная железа*, придаток мозга (*гипофиз*), *шишковидная железа*. *Половые железы* (яички и яичники) представляют собою железы, выделяющие свой секрет как в кровь, так и наружу. Выделения эндокринных желез, называемые *гормонами*, оказывают чрезвычайно важное влияние на всю жизнь нашего организма,—его рост, обмен веществ, кровяное давление и проч.

Недоразвитие или врожденное отсутствие *щитовидной железы*, например, влечет за собою болезнь *микседема*, характеризующуюся резким замедлением роста тела, общим замедлением обмена веществ и ожирением, отечностью, с чем сочетается общий старческий вид даже и у молодых субъектов. Характерные и резкие особенности обнаруживаются и в психике лиц с недоразвитой или вовсе отсутствующей щитовидной железой. Они бывают медлительны, вялы, сонливы, бедны мыслями, безучастны к окружающему; процессы восприятия и реагирования протекают у них замедленным темпом.

Микседема излечивается приемами препарата щитовидной железы или приживлением кусочка ее, взятого от другого животного. Это обстоятельство доказывает нам прямо, что все вышеописанные физические и психические расстройства обуславливаются именно недостаточным функционированием щитовидной железы.

Понижение деятельности ее порождает также, как известно, и *кретинизм*, характеризующийся резкой задержкой психического развития; застывающего на уровне умственного развития 4—5-летнего ребенка.

С ненормальным увеличением щитовидной железы («*зобом*») обычно сочетаются физико-психические свойства, как раз обратные тем, какие мы видим при микседеме. Больные бывают чрезмерно психически возбудимы, подвижны, раздражительны, имеют ускоренный пульс, худеют; на ряду с явным зобом у них наблюдается выпученность глаз; у мужчин наблю-

дается при этом уменьшение полового влечения, у женщин прекращаются менструации. Все эти симптомы и дают нам картину так наз. *Базедовой* болезни, идущей параллельно с увеличением щитовидной железы.

Для нас важно отметить здесь совершенно определенные, характерные изменения в психической сфере, наступающие

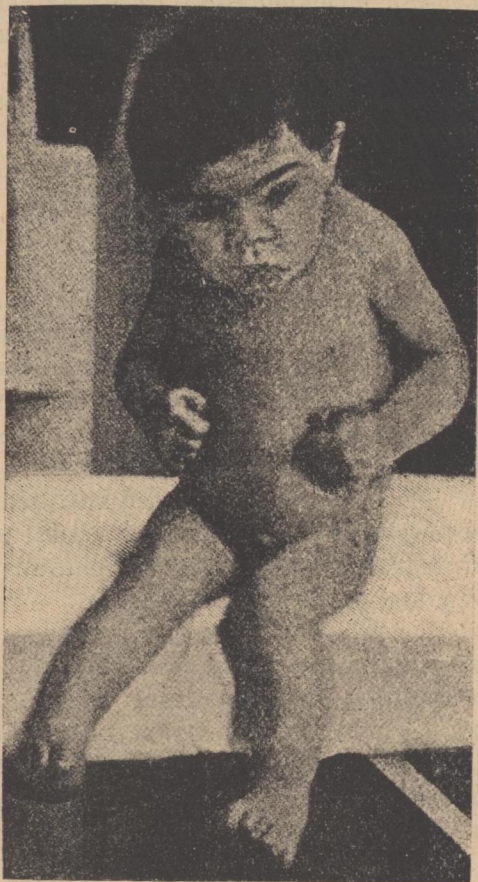

Рис. 2. 13-летняя девочка с врожденной микседемой.

в несомненной зависимости от расстройств в деятельности эндокринных желез. Не следует забывать здесь также и то, что рассмотренные болезни—микседема и Базедова болезнь—являются лишь обостренными, патологическими, случаями того, что часто встречается в менее выраженной форме и у людей, считаемых нами за вполне нормальных.

Еще более очевидно необычайно большое влияние, оказываемое на жизнь нашего психо-физического существа деятельностью половых желез, и именно их деятельностью в качестве желез внутренней секреции. Таковую внутренне-секреторную роль в мужских половых железах играют, по мнению некоторых ученых, так наз. *клетки Лейдига*, рассеянные в соединительной ткани, между отдельными семенными канальцами.

В случае бездеятельности половых желез развивается, как известно, бесполое существо—евнухид; пропорции его тела отличны от отношений, имеющих в мужском или женском скелете. У него отсутствуют вторичные половые признаки. Определенные особенности носит, конечно, сообразно с этим и его психический склад: общая детскость душевного склада, несамостоятельность, робость, легкая утомляемость, беспечное благодушие, наивность, чрезмерная внушаемость.

Кастрация субъектов взрослых влечет за собою прежде всего резкое изменение во всем их облике: наступает ожирение, волосы начинают выпадать, голос меняется и становится высоким. Последнее обстоятельство раньше использовали намеренно для получения мужских певчих—сопрано; с психической стороны все эти перемены сочетаются обычно с утратой полового влечения. Интересно то, что подобного рода кастратный тип может быть легко уничтожен путем пересадки субъекту яичек нормального мужчины. В таком случае жировые отложения начинают исчезать, растительность вновь восстанавливается и голос становится ниже, возвращаясь к норме. Сообразно с этим происходило и изменение психических черт: половое влечение вновь появляется.

Очень интересны с рассматриваемой нами сейчас точки зрения и недавние *опыты ряда биологов над омоложением*. Оказалось, что стоит лишь усилить внутрисекретную деятельность половой железы, увеличить железу зрелости (клетки Лейдига), и характерные симптомы одряхления начинают исчезать. Усилить функционирование железы зрелости можно разными путями: путем приживления яичек молодых субъектов, путем перевязки семяпровода или же путем приема внутрь тестикулярной жидкости. Этими методами и пользовались в своих опытах многие ученые (*Штейнах, Лихтенштерн, Воронов, Н. П. Кравков и др.*).

Упомянем здесь о наиболее известных опытах Штейнаха. Старые самцы крысы, вялые, лишенные полового влечения, сла-

бые и оплешивевшие, в результате перевязки семяпровода вскоре становились подвижными, способными к совокуплению и вновь обрастали шерстью. Сообразно с этим в их яичках значительно увеличивались железы зрелости (с клетками Лейдига), как то можно видеть из рис. 3.

Рис. 3.

А—срез яичка старого самца крысы; К—атрофированные семенные канальцы; Р—единичные клетки Лейдига.

В—срез яичка одновозрастного брата этого самца через 5 недель после перевязки семяпровода; К—общая атрофия семенных канальцев; Р—сильно разросшиеся клетки Лейдига.

Подобного же рода опыты производились и над людьми и при этом, сколько можно судить, в большинстве случаев с таким же благоприятным результатом. Уменьшались не только телесные признаки одряхления—изменялось и все самочувствие оперированных субъектов. Один из таких омоложенных старцев пишет, например, своему врачу: «в то время, как раньше я находился в состоянии глубокой духовной подавленности, теперь я уже много месяцев вновь жизнерадостен. Мой вид опять свеж, и для моего возраста я очень гибок. Люди, с которыми я теперь вновь вхожу в сношения, считают меня едва за шестидесятилетнего и сомневаются в том, чтобы мне исполнился 71 год... Я не чувствую себя человеком, перешедшим старческий возраст. Я способен, как раньше, в более молодые годы, ясно мыслить, плавно и без ошибок все записывать и также плавно и связно говорить... Наконец, я возвращаюсь еще раз к половой области. Часто следующие друг за другом и повторяющиеся каждую неделю эротические сны и возбуждения

родили во мне, наконец, решимость искать естественного удовлетворения... Мое состояние представляет таким образом очень радостную картину, и моя жизнерадостность возвращена мне опять».

Мы видим, как под влиянием определенных изменений в деятельности желез внутренней секреции наступают резкие изменения всего самочувствия субъекта, весь строй личности может претерпевать при этом глубокие превращения.

Наблюдалось далее, что опухоли *шишковидной железы* сочетаются с ненормальным ускорением физического и душевного развития, при чем характерным бывает высокий уровень интеллигентности и общее бодрое настроение. Делались даже попытки кормлением детей препаратами шипковидной железы поднять общую их интеллигентность.

Не следует думать, конечно, что связь психических свойств с деятельностью желез внутренней секреции проста. Нет. Конечно, в каждом случае результат зависит от сложного влияния ряда условий и факторов. Здесь надо иметь в виду всегда и факт взаимодействия отдельных эндокринных желез друг с другом—область изучения, в коей пока еще очень многое остается для нас неясным и неизвестным.

Во всяком случае в настоящее время мы уже не в праве интересоваться лишь мозгом, как носителем психических свойств и способностей. Наша психика как сама по себе, так и в ходе своего развития отражает в себе состояние всего нашего телесного организма, со всей сложностью совершающихся в нем процессов не только нервной, но и железистой системы. Несомненно, что в ближайшем будущем физиологическая психология тесно сближится с эндокринологией.

§ 3. Строение тела и характер.

Попытку связать определенные психологические особенности склада нашей личности с определенными особенностями анатомо-физиологического устройства всего нашего тела мы встречаем между прочим в интересной работе тюрингенского психиатра Э. Кречмера «Строение тела и характер» (1922). Кречмер выясняет, с одной стороны, главные типы строения тела, с другой же—те психопатические свойства личности, которые обычно наиболее часто с ними бывают связаны. В качестве главных типов строения тела им различаются

такие три группы. Тип *астенический*, характеризуемый малым ростом всех частей тела в толщину при нормальном, неуменьшенном росте в длину, узкими плечами, тонкомышечными руками, плоской грудной клеткой; у лиц астенического телосложения часто наблюдается несоответствие между увеличенной длиной носа и недоразвитием нижней челюсти, в результате чего получается так называемый «угловатый профиль» (при рассмотрении en face лицо имеет очертания укороченного яйца), богатая растительность на голове; волосы часто грубые, щетинистые; кожа обычно бледная. *Атлетический тип* отличается сильным развитием скелета, мышц и кожи; широкие, выступающие плечи, статная грудь, весьма развитая мускулатура, грубое строение всех костей, большие руки, общая форма туловища книзу суживается, при особенной подчеркнутости развития плечевого пояса; кожа атлетов эластично упруга и плотна; лицо имеет часто форму удлинненного яйца в силу удлиненности подбородка и средней части, крепкая, высокая голова. Третий тип телосложения, *тип пикнический*, характеризуется, по Кречмеру, сильным развитием внутренних полостей тела (головы, груди, живота) и склонностью торса к ожирению при изящном строении двигательного аппарата (плечевого пояса и конечностей); плотная, приземистая фигура с мягким, широким лицом на короткой шее, с жирным животом, мягкими, короткими и широкими руками; мягкая розовая кожа; череп округленный, большой и широкий, но не очень длинный; лица пикников обычно широки и имеют форму пятиугольника; волосы у пикников мягки; кожа румяна,—лысых среди пикников больше, чем среди представителей других типов телосложения. Форму строения тела, очень резко отличающуюся от средних норм, Кречмер, наконец, относит в особую, четвертую группу—*диспластических* типов; сюда им причисляются случаи чрезмерного астенического исхудания, преувеличенного углового профиля, необычайного роста, башенного черепа, каких-либо грубых неправильностей в лице и т. п.

Любопытно то, что, сопоставляя все эти виды телосложения с различными формами душевных заболеваний, Кречмер устанавливает определенные соотношения между теми и другими. Так, обследование более 250-ти лиц, страдающих *циркулярным* (маниакально-депрессивным) *психозом* и *шизофренией* (ранним слабоумием), показало, что первое из названных душевных расстройств, в громадном большинстве случаев, соче-

тается с пикническим телосложением, шизофрения же, напротив, у пикников почти не наблюдается, встречаясь (см. рис. 4) обычно у лиц, принадлежащих к астеническому, атлетическому или диспластическому типу.

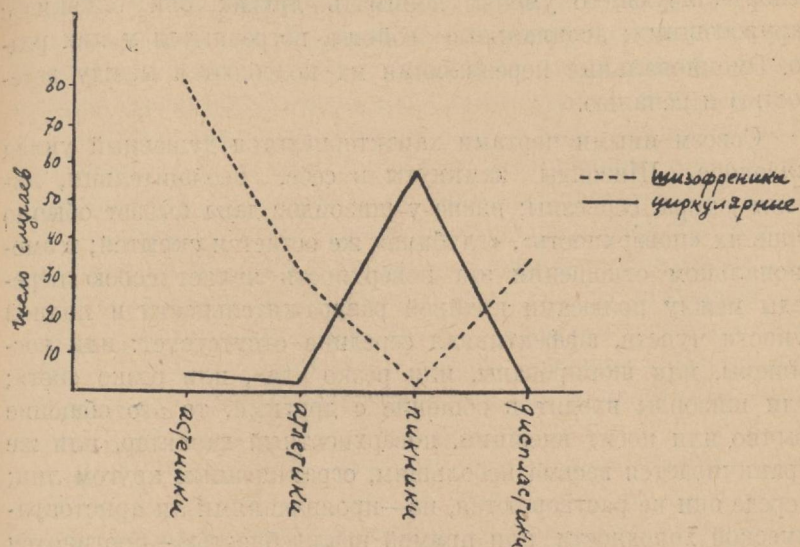

Рис. 4.

Для нас сейчас важно обратить на это обстоятельство наше внимание потому, что циркулярный психоз, равно как и так наз. раннее слабоумие (шизофрения) представляют собою лишь крайние, ненормально резко выраженные, формы таких психических черт и таких укладов личности, которые мы постоянно встречаем и у окружающих нас вполне нормальных, психически здоровых людей. Применительно к таким совсем нормальным людям Кречмер говорит о *шизотимическом* или *циклотимическом типе*, оставляя для случаев промежуточных между явным психозом и здоровым состоянием термины «шизоид» и «циклоид». Следует иметь в виду, что все многообразие человеческих характеров и темпераментов не должно обязательно исчерпываться лишь этими двумя разновидностями. Однако все же большое число людей может быть подведено по своему психическому складу именно под эти две группы. Посмотрим же, чем они характерны. Люди, носящие в себе задатки циркулярного (маниакально-депрессивного) психоза, в общем отличаются, по Кречмеру, душевностью, добродушием, общитель-

ностью; у них «много души», они внутренне слиты с жизнью, в силу этого реалистичны; доступны юмору, состраданию и со-
радованию; они чужды схемам, отвлеченным системам и не-
уклонной принципиальной последовательности; в силу своего
ненормализующего умения понимать других они близки с
окружающими; асоциальные свойства встречаются у них ред-
ко. Эмоциональные переживания их колеблются между весе-
лостью и печалью.

Совсем иными чертами характеризуется душевный уклад
шизоидов. Шизоиды замкнуты в себе, необщительны, ли-
шены юмора, серьезны; извне у шизоидов дана бывает обычно
лишь их «поверхность», «глубина» же остается скрытой; в эмо-
циональном отношении эта поверхность являет собою пере-
ходы между полюсами крайней раздражительности и полной
тупости чувств, аффективная середина отсутствует: или вос-
хищены, или шокированы, или резко «да», или резко «нет»;
если шизоиды входят в общение с другими, то это общение
обычно или носит внешний, поверхностный характер, или же
ограничивается весьма небольшим, ограниченным кругом лиц;
в среде они не растворяются, но—проявлениями ли аристокра-
тической холодности или прямой враждебностью—противятся
слиянию с ней. У шизоидов с повышенной чувствительностью
часто развивается резкое противопоставление «я» и внешнего
мира; отсюда обостренный самоанализ. Безучастность к миру
в иных случаях сочетается с стремлением к схематическим
теориям всеобщего осчастливливания, с принципиальным
альтруизмом. В области мышления у шизоидов на ряду с отры-
вочными, перескакивающими с предмета на предмет, рассужде-
ниями встречаются у иных последовательные, абстрактные
умственные построения, отличающиеся схематичностью.

Нетрудно видеть, что каждый из нас, окинув взором круг
своих родных и знакомых, без особого труда откроет у них те
или другие из намеченных выше черт, характерных для
циклоидов или шизоидов.

Интересно отметить здесь связь, существующую между
проявлением шизофренических черт и деятельностью половых
желез. Прежде всего известно, что заболевание шизофренией
наступает особенно часто именно в период полового созрева-
ния, проявляясь в резком изменении характера с понижением
работоспособности. Имеются также (нуждающиеся, правда, еще
в проверке) указания на то, что у больных шизофренией можно

и прямым микроскопическим путем найти изменения в половых железах и сперматозоидах. Связь шизофрении с половой сферой косвенно подтверждается и тем особым характером обнаружения полового инстинкта, который мы находим у шизоидов и который заметно отличает их от лиц, предрасположенных к циклотимии. *Кречмер* так характеризует эту разницу. Половой инстинкт у лиц с задатками циркулярного психоза обычно бывает естественен, прост и интенсивен. У шизоидов же половой инстинкт чаще вообще слаб, в иных же случаях, напротив, имеется в сверхнормально повышенном виде. Однако сексуальность шизоидов часто имеет неопределенный, не фиксированный характер, кроме этого, половое влечение испытывается очень многими и вполне здоровыми психотимиками, как нечто враждебное по отношению к их «я», их этической личности. Рождается борьба между тем и другим, рождается внутренняя драма, способная сделаться основным содержанием жизни и сказываться в прямом или замаскированном виде в самых различных проявлениях данного лица.

Для циклотимиков, напротив, подобных внутренних противоречий не существует, они их не испытывают: их сексуальность слитно гармонирует со всем их жизнеощущением.

§ 4. Влияние переживаний.

Все вышесказанное должно уже достаточно ясно говорить нам о той многосложной и глубокой зависимости, какая существует между анатомо-физиологическими свойствами нашего организма и психическими особенностями нашей личности, вплоть до наиболее сложных и интимных черт нашего характера. Однако освещение вопроса было бы все же не полно, если бы мы в заключение не остановили наше внимание на физиологических изменениях, наступающих часто под влиянием имеющихся у нас тех или иных переживаний. Хорошо известно, как влияют всякого рода чувства на дыхание, на сердце, на просвет кровеносных сосудов и проч.: мы «задыхаемся от гнева», «от страха у нас замирает сердце», мы теряем в весе, ужас может в несколько минут заставить нас поседеть; в хорошем настроении нам «легко дышится». Всем известно, как переживания обычно сейчас же отражаются на движении лицевых мышц—всякое чувство имеет своей характерную мимику; не даром и говорится, что «лицо есть зеркало души».

Проф. *Боткин* наблюдал у некоторых больных изменения в размере селезенки, стоящие в явной зависимости от переживаемых ими душевных состояний. Установлено также, что умственная работа изменяет пульс; влияет на дыхание; есть указания на то, что химический состав выдыхаемого воздуха, равно как и состав выделяемой мочи во время отдыха и во время умственного труда бывает различен. Наша мускульная производительность, несомненно, зависит от нашего эмоционального состояния—настроения.

Согласно опытам некоторых американских физиологов оказывается, что в крови кошек, пришедших в возбуждение при виде собак, количество выделяемого надпочечниками адреналина увеличивается по сравнению с содержанием его у кошек, находящихся в спокойном состоянии. Врачами отмечается, что протекание многих болезней и даже сама подверженность заразе оказываются иными в связи с общим настроением и строем мыслей субъекта. *Ферэ* специальными опытами над животными пытался экспериментально проверить эти наблюдения. Для этого он ряду животных прививал болезнетворные микробы и часть животных оставлял после этого в покое, другую же часть пугал, вызывая у них состояние страха. Оказывалось, что испуганные животные менее стойко переносили заражение и погибали скорее, чем животные, страху не подвергавшиеся.

Переживания страха влекут за собою часто выпадение волос. Итальянский физиолог *Монтегацца* сообщает об одном укротителе зверей, лишившемся волос в течение одной ночи после пережитой им смертельно-опасной борьбы со львом.

Нам не место здесь входить в выяснение тех сложных нервно-химических механизмов, которые лежат в основе подобных влияний настроения на физиологические процессы.

В результате всего сказанного выше в этой главе нам следует лишь уяснить себе, что то, что называют психическим, и то, что называют физиологическим, телесным, в действительной жизни находятся в постоянном и тесном функциональном взаимообуславливании, в постоянной связи друг с другом. Тщетно стараться вполне понять особенности душевного склада того или иного лица, не учитывая конституционных, анатомо-физиологических черт и особенностей его организма. Но, как мы только что видели, и та или другая настроенность психики

суб'екта также часто далеко не безразлична для протекания его, на первый взгляд, чисто-физиологических процессов.

Такая взаимосвязанность, такая целостность нашего психо-физического существа есть несомненный факт, даваемый нам опытом на каждом шагу. Истолковывать его можно при помощи различных гипотез. Это и делается в философии. Для педагога же необходимо и достаточно просто считаться с ним, как с одним из основных фактов, относящихся к человеческой природе. Говоря определеннее: педагог, стремясь понять психические проявления своих воспитанников, всегда должен принимать в расчет и телесные, физиологические черты этих последних, при объяснении же многих наблюдаемых у них телесных состояний и процессов не в праве игнорировать и имеющуюся часто при этом субъективную сторону—переживания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ.

В. Вундт. Основы физиологической психологии. Пер. под редакцией проф. Крогиуса, Лазурского и Нечаева. СПб.

Н. Ланге. Психология. Из «Итогов Науки». Изд. «Мир». 1922.

А. Вэйль. Внутренняя секреция. ГИЗ. 1923.

Э. Кречмер. Строение тела и характер. ГИЗ. 1924.

И. Тарханов, акад. Дух и тело. Изд. Брокгауз-Эфрон. СПб. 1904.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Реактивный характер психической жизни.

§ 1. Схема реакции.

Вторым, не менее важным для педагога, утверждением современной психологии является *рассмотрение психической жизни в ее реальной целостности, как процесса реакции*. Все жизненные проявления вообще носят характер реактивный и могут всегда быть поняты, как ответ (реакция) на то или иное впечатление (раздражение), источник коего лежит вне организма или внутри него. Так, дичь, увидев охотника, улетает; здесь, очевидно, раздражением является нечто внешнее—вид приближающегося человека с ружьем; когда же голодный зверь рыщет в поисках добычи, его беспокойство есть ответ уже на внутренний раздражитель—голод. Совершенно подоб-

ным же образом и наши человеческие движения и поступки вообще всегда бывают реакцией на что-либо. В случаях, подобных плачу и поездке на похороны при получении известия о смерти близкого человека или посещению нами врача при начинающемся заболевании, в случае отбегания в сторону при виде едущего на нас автомобиля реактивный характер нашего поведения не вызывает никаких сомнений. Сомнения на этот счет могут, однако, возникнуть у нас при наблюдении поступков, имеющих начало, повидимому, всецело в самом действующем лице. Приходится нередко видеть, что тот или иной человек «ни с того, ни с сего» вдруг начинает заниматься чем-либо ему до той поры, как казалось, далеким или же вдруг перемениает местожительство, или же вдруг начинает проявлять неожиданно оригинальный уклон в своем поведении и отношениях к окружающим. Трудно бывает во многих таких случаях сразу указать, на что реагирует своим поведением субъект, какие полученные им впечатления лежат в основе его поступков. Чтобы понять, однако, и эти случаи, как факты реакции на впечатления, нам следует лишь расширить несколько наше представление о реагировании и не понимать под ним обязательно непосредственный, сейчас же за впечатлением следующий, ответ на впечатление. Этот ответ может быть и отсроченным и не проявляться порою весьма длительное время; хорошо известно, что мы способны бываем подобным образом годами «таить злобу» на обидчика, ничем ее вовне не проявляя. Это не значит однако, что, когда злоба, наконец, все же проявится, она не будет реакцией на прежде полученные впечатления. Если таким образом всякий наш поступок можно понять, как ответ (реакцию) на то или иное, близкое или далекое, впечатление, полученное данным лицом, то в равной мере мы можем утверждать, что в подлинной, реальной действительности всякое впечатление всегда бывает связано с ответным действием. Видя на улице знакомого, мы приподнимаем шляпу, читая неприятное для нас известие, мы морщимся, наш пульс ускоряется, слыша звонок трамвая, мы поворачиваем свой взор в его сторону. Следует опять-таки иметь еще здесь в виду, что реакция может оказываться не только в совершении действия, но и в задержке действия: если я, собравшись было протянуть руку за папиросами, вижу на стене объявление, гласящее «здесь курить воспрещается», и моя рука остается неподвижной, то ясно, что впечатление, полученное мною от прочтения объяв-

ния, не осталось бездейственным,—реакцией на него был здесь именно отказ от действия. И бесспорно, что в повседневной жизни именно от способности затормозить готовое совершиться действие (неуместные слова, проявление эффекта и т. д.) часто зависит весьма многое. Поскольку теперь наши представления, понятия и прочие процессы мышления возникают на почве наших восприятий и нашей обработки этих восприятий, мы в праве считать, что и эти высшие умственные процессы представляют собою звенья реактивной дуги, идущей от восприятия к действию. *Джемс*, по поводу действительной роли высших абстрактных и теоретических идей, справедливо подчеркивает, обращаясь к учителям, то, что «едва ли существует какая-нибудь истина, как бы отвлеченна она ни была, которая, раз она усвоена, не оказала бы когда-нибудь влияния на наши земные действия... То, что вы теперь думаете, заставит вас если не сегодня, то когда-нибудь позднее отвечать на некоторые вопросы иначе, чем вы отвечали до сих пор... Вы будете выражать свои новые взгляды, и другие лица вашего круга будут их критиковать, а это повлияет на их мнение о вас»... Словом, ничто не проходит бесследно—все в конце-концов разряжается в действие.

Живя, мы взаимодействуем с окружающей нас средой, приспособляя ее к себе и сами приспособляясь к ней. Под эти рубрики подходят отнюдь не только внешние, материальные наши поступки, но и наша идеология.

Отдельные психические процессы поэтому реально всегда бывают нам даны в целостном переживании, носящем реактивный характер. Мы нечто воспринимаем, оцениваем и сообразно этой оценке действуем. Обычное психическое подразделение на познание, чувство и волю может быть хорошо согласовано с такой общебиологической схемой реакции. Не следует лишь ни на минуту забывать, что раздельно эти классы переживаний существуют лишь в учебниках психологии для удобства аналитического изучения, но никак не в жизни. «Главная линия или направление всех психических процессов идет от восприятий через чувство к действиям (движениям). В этом состоит и общий жизненный смысл всей психической жизни, как биологической организации, на всех ступенях ее развития: воспринимать состояния и изменения в окружающей среде, оценивать их пригодность или непригодность для индивида (в чувствах удовольствия или страдания) и соответственно этому целесо-

образно реагировать на среду движениями. Построенный по общему типу дуги рефлекса основной психический процесс имеет поэтому чувственно-двигательное направление» (проф. Н. Н. Ланге).

§ 2. Рефлексы.

Простейшим видом нашей реакции на окружающие впечатления является рефлекторное движение, *рефлекс*. В нем воздействующий на нас раздражитель тотчас же вызывает у нас определенное действие, следующее за ним совершенно «не-вольно» и независимо от нашего сознания. Поднесите в темноте к глазу свет, и зрачок тотчас же сузится, уколите кому-либо палец руки или ногу, и он тотчас же отдернет раздраженную конечность, хлопните неожиданно в ладоши, и ваш сосед вздрогнет и т. д. Вы, однако, конечно, сразу же видите, сколь незначительную роль в нашем поведении играют подобного рода чисто-рефлекторные движения. Жизнь животных, стоящих даже и весьма низко по сравнению с человеком, дает неизмеримо более богатое многообразие реакций взаимодействия со средой. Начиная уже с рыб, а, по мнению некоторых авторов, и с беспозвоночных, обычные реакции живых существ носят гораздо более сложный характер, чем вышеупомянутые простые рефлексы. В наших человеческих поступках тем более связь между воздействующим впечатлением и нашим ответным действием в большинстве случаев бывает не непосредственной, но опосредствуется нашей оценкой этого впечатления, теми соображениями и воспоминаниями, которые у нас по поводу него возникают. Уходя из дома и видя, что собираются тучи, мы ищем зонт. На основании полученного нами зрительного впечатления (серые тучи) мы *предвидим* нечто нам прямо сейчас еще не данное (именно—будущий дождь и возможность промокания) и уже в этом предвидении совершаем определенные движения (разыскиваем зонт). Легко понять, что такое предвидение дается нам деятельностью ассоциативной памяти. Благодаря ей мы воспроизводим наш прошлый опыт—в нашем примере вспоминаем то, что вслед за появлением туч часто идет дождь. Подобным же образом собака, видя поднятую палку, убегает, предвидя, благодаря имеющейся у ней ассоциативной памяти, могущую наступить вслед за видом поднятой палки боль от удара.

Если бы мы никогда не наблюдали дождя или если бы собака никогда не бывала бита, мы не запасались бы зонтом и собака не отбегала бы при угрозе. Следовательно, вышеописанные реакции носят индивидуальный характер и зависят от предшествовавшего опыта. Огромное большинство наших действий, конечно, и носит именно такой, зависящий от нашего предшествующего личного опыта, характер. Следует при этом иметь в виду, что и опосредствующие нашу реакцию процессы сплошь и рядом бывают гораздо более сложными умственными операциями, чем простое воспроизведение, как то имеется в приведенных выше примерах. Прежде чем предпринять какое-нибудь важное жизненное решение, я должен не только воспроизвести относящееся сюда из моего прошлого опыта, но взвесить, сопоставить, оценить все воспроизведенное и уже сообразно с выводами такого моего рассуждения принять окончательное решение. Но в более простых случаях (в нашей повседневной жизни все же весьма обычных и частых) дело ограничивается простым воспроизведением, в связи с данным сейчас раздражителем, ранее испытанного. Представляет поэтому интерес познакомиться здесь в общих чертах и с теми приемами изучения индивидуальных реакций животных и человека, которые в последнее время широко применяются как раз русскими учеными—знаменитым физиологом академиком *И. П. Павловым* и известным неврологом, профессором *В. М. Бехтеревым*. Первый из них на собаках, а второй главным образом на человеке изучают то, как создаются индивидуальные реакции на раздражения и каким законам подвержено их сохранение и развитие.

Если мы кладем собаке в рот мясной порошок, она выделяет слюну. Это будет простой или, по Павлову, безусловный рефлекс. Если же мы одновременно с прикормом будем давать собаке еще и слуховое раздражение (например, звонить в звонок), то, после нескольких таких сочетаний прикорма со звоном, уже и один звонок (без прикорма) будет вызывать у собаки слюноотделение. Между тем мы, конечно, хорошо знаем, что обычно звонок за собою такой реакции у собаки не влечет. Поэтому слюноотделение, появляющееся в ответ на звонок, будет, по Павлову, уже рефлексом не простым, но условным. То же самое мы видим и в опытах Бехтерева: подкалывание электрическим током подошвы ноги всегда вызывает у человека отдергивание ноги; давая же несколько раз вместе с подкалыванием

подошвы и зрительный раздражитель (скажем, вспыхивание красной лампочки), мы можем добиться того, что субъект будет отдергивать ногу в ответ на одно только зажигание красной лампочки. Такая его реакция, явным образом зависящая от индивидуального опыта, называется Бехтеревым сочетательным рефлексом. Как показали опыты, такой сочетательный рефлекс может быть и вторичным и третичным, т. е. если мы одновременно с зажиганием красной лампы, уже вызывающим отдергивание ноги, будем давать еще какое-нибудь само по себе безразличное раздражение (например, звук определенной ноты на рояли), то в результате субъект станет отдергивать ногу в ответ на этот звук. Словом, любое из воздействующих на нас впечатлений через посредство одного или нескольких звеньев может быть приведено в связь с безусловным раздражителем (в наших примерах: прикармливанием, электрическим подкалыванием ноги) и благодаря этому сделано определителем нашей реакции. Самое воспитание в большой мере и сводится к выработке у нас определенных, желательных сочетательных рефлексов на основе наших изначальных, безусловных реакций. Дикарь и человек невоспитанный стремятся схватить в руки всякую вещь, их заинтересовавшую. Воспрепятствовать этому можно лишь путем применения безусловного раздражителя—насильственного отдергивания их руки или удара по ней. Воспитание же заменяет такую меру воздействия простым словесным указанием: «эту вещь трогать руками нельзя»; для человека воспитанного достаточно уже такого словесного замечания («сочетанного, условного раздражителя»), чтобы вызвать нужную реакцию—в нашем примере реакцию задержки хватательных движений.

Так как накапливаемый жизнью опыт у каждого человека бывает индивидуально различен, то понятно, что одни и те же сами по себе раздражители могут у одного субъекта сочетаться с одними реакциями, у другого—с совсем иными: один, получив новую книгу, с жаром погружается в ее прочтение, другой—разрывает ее на свертывание папиросок, один быстро находит нужный выход из затруднения, другой тщетно лишь мечется из стороны в сторону и т. д. Поэтому-то наше поведение в целом и большинство отдельных наших реакций в частности носят на себе отпечаток всего нашего прошлого опыта и, следовательно, имеют глубоко личный характер. Влияя на среду, в коей находится субъект, влияя тем самым на получаемые им впечатле-

ния, мы можем добиться установления между ними новых связей, новых сочетаний между раздражителем и реакцией. Безразличное отношение школьника к чистоте и опрятности окружающей обстановки путем воздействия со стороны примера и общего режима жизни может быть исправлено: наш воспитанник станет активным ревнителем чистоты в классе.

§ 3. Инстинкты.

Мы подошли здесь к одному важному пункту. Прочтя предыдущие строки, иной читатель может подумать, что характер поведения субъекта вырабатывается сам собою, благодаря воздействию извне стимулам; роль человека лишь пассивная; сочетания впечатлений с реакциями и друг с другом всецело предопределяют то, как будет вести себя субъект. Однако на самом деле дело обстоит далеко не так просто. Совершенно бесспорно, что человек рождается и растет не как пассивное существо, лишь воспринимающее и воспроизводящее извне воздействующие раздражители с следующими за ними реакциями, но сам бывает преисполнен активности, коренящейся в нем самом. Стоит посмотреть на здорового, неустомленного ребенка, помещенного в какую-нибудь однообразную и бедную впечатлениями обстановку: он ни минуты не посидит спокойно, но будет бегать, прыгать, петь, болтать, играть с чем только возможно. И в самом раннем детстве, предоставленный самому себе, ребенок, лишенный, повидимому, действующих на него извне раздражений, часто все же не остается неподвижным, но машет ручонками и ножками, издает звуки, осматривается кругом; будучи поднесен к материнской груди, он сразу же, с первого дня жизни, производит целый ряд связанных и координированных движений сосания и проглатывания. Может быть, еще очевиднее такая врожденная активность может наблюдаться у молодых животных: цыплята тотчас же по появлении своем на свет начинают бегать и клевать зерна; бобр, выросший отдельно от своих сородичей и никогда не видевший их поведения, когда приходит время, начинает строить себе жилище, проделывая для этого ряд весьма замысловатых действий; выросшая в комнатах белка, без всяких, повидимому, к тому оснований извне, в один прекрасный день начинает прятать в ковер остающиеся у нее орехи, делая себе запас на зиму. Интересно при этом отметить, что само это прятание, по описанию одного наблюда-

теля; заключалось в следующем: «белка брала орех, осматривала комнату, ища подходящего места, и, усмотрев такое на ковре, клала орех на ковер, где-нибудь в укромном углу; при этом она прижимала орех к коврику и производила такие движения, как будто сгребала над ним землю, а затем оставляла орех в покое, в полной уверенности, что хорошо его зарыла».

Уже из этих немногих примеров мы видим, что живые существа рождаются на свет далеко не пассивными, но полными двигательной активности, носящей отчасти *импульсивный*, отчасти же *инстинктивный* характер. Под импульсивными движениями мы условно понимаем те движения, причиной коих, по нашему мнению, является просто переизбыток накопившейся в организме энергии, влекущей разряд в виде бесцельных движений ребенка ручками и ножками, потягивания, гримасничанья, беспорядочных хватательных движений и т. д. Под инстинктами же следует разуметь врожденные, унаследованные склонности, ведущие к сложным реакциям всего организма. Обычно эти зафиксированные наследственно реакции имеют сами по себе биологически целесообразный характер, хотя и могут в отдельных случаях применяться животным и слепо, утрачивая такой свой смысл (что мы и видели выше в примере с белкой, старательно проделывающей движения сгребания несуществующей земли на ковре). Педагогу чрезвычайно важно усвоить себе взгляд, что и человек есть существо с уже наследственно врожденными инстинктами, стремлениями; инстинкты властно сказываются в его поведении с самого начала его жизни, являясь подлинными основными двигателями поступков. «Все согласны в том,—читаем мы по этому поводу у *Мак Дауголла*,—что человек произошел от доисторических предков, жизнь которых управлялась инстинктами; но некоторые считают, что по мере развития человеческого ума и способности мышления инстинкты атрофировались и у цивилизованного человека остались только в виде тяжелых следов его доисторической жизни, следов, которые можно сравнить с червеобразным отростком и которые, подобно последнему, следовало бы удалить ножом хирурга. Другие отводят им более видное место в человеческой душе, так как видят, что хотя интеллект и развился в ходе эволюции высших животных и человека, однако он не мог заменить собой инстинктов или вызвать их атрофии, но скорее контролировал и видоизменял их функции. Иные же, как Шнейдер и В. Джэмс, утверждают, что у человека столько же

инстинктов, сколько и у животных, и отводят им руководящую роль в определении человеческого поведения и душевных процессов. Последнее воззрение быстро завоевывает себе почву».

Безусловно, что человеку, как и всем прочим животным, присущ прежде всего *инстинкт самосохранения*. Его, так сказать, пассивное проявление—в виде прятания себя или бегства под влиянием чувства страха—особенно явно сказывается у детей. Громкие звуки, большие предметы, новые лица и звери, темные места, неожиданные, новые впечатления—все это пробуждает у большинства детей страх и реакции, носящие характер бегства. Эмоция страха в подобных случаях может возникнуть совершенно независимо от сознательной оценки и разумного предвидения могущего случиться несчастья. Так, справедливо указывают, что сплошь и рядом дети испытывают неподдельный ужас при виде идущего на них медведя, даже и в том случае, когда они отлично знают, что этот медведь есть их же переряженный товарищ. У взрослых подобный инстинкт бегства сказывается в действиях, носящих характер «инстинктивной осторожности», боязни риска. Агрессивную (нападательную) сторону самосохранения мы находим в *инстинкте драчливости*, обычно связанном с эмоцией гнева. У животных, у детей, в менее резкой форме и у нас, взрослых, инстинкт драчливости зарождается при всякого рода помехах, встающих на пути к удовлетворению имеющихся у нас хотений. Стоит помешать животному во время его еды или ребенку, когда он увлечен игрой, чтобы наблюдать вспышку гнева, часто с реакциями нападения на того, кто мешает. Самосохранение же, но уже в более высоком, социальном смысле, достигается тем имеющимся у нас врожденным *стремлением к самовыставлению*, которое Мак Дауголл также причисляет к числу инстинктов. Действительно, наличие его у детей мы можем усмотреть в тех настойчивых требованиях обратить на них внимание, с которыми дети докучают взрослым при всяком своем успехе в ходьбе, лазании или в разрешении каких-нибудь других задач: «смотри, куда я залез», «смотри, как я прыгаю» и т. д., и т. д. У взрослых, на основе такого первичного инстинктивного влечения к самовыставлению может развиваться целая гамма педагогически весьма важных эмоций, в роде чувства собственного достоинства, гордости и т. п. Желание «не посрамить себя», «не ударить лицом в грязь» побуждает нас

к соревнованию, а тем самым служит важным стимулом нашего прогресса.

К группе проявлений инстинкта самосохранения может быть отнесен и *инстинкт питания*, сказывающийся в стремлении к добыванию пищи. Следуя этому инстинкту, только что вылупившийся из яйца цыпленок уже ищет и клюет зернышки, новорожденный ребенок, будучи приложен к материнской груди, сразу начинает проделывать достаточно сложные движения сосания и глотания, часто помогая себе в этом и ручонками.

Едва ли не наибольшее изумление могут вызывать у нас проявления *родительского инстинкта*, — инстинкта опять-таки общего у человека с животными. На какие жертвы, на какое самоотвержение не идут родители (особенно мать) для своего ребенка? Об'ективная некрасивость и несимпатичность ребенка при этом не играют для них обычно никакой роли: для матери дитя неизменно прекрасно и бесконечно дорого. Вспомним, что буквально весь план и уклад жизни многих семей перестраивается по-иному «ради детей»: забота о потомстве является одним из могучих стимулов жизненной деятельности, а для многих — хорошо ли то или плохо — и единственной целью ее. Предприятия самого разнообразного характера в конце-концов часто обосновываются властным голосом именно этого (биологически необычайно ценного) родительского инстинкта, связанного с эмоцией нежности. Биологической цели — продолжению рода — служат, далее, и *инстинкт половой* или *инстинкт размножения*, также играющий во всей нашей жизни, несомненно, очень важную роль. В сочетании с нежной эмоцией, имеющейся в родительском инстинкте, инстинкт половой создает то *переживание любви* к особи другого пола, которое, мы знаем, так часто вдохновляло художников и героев, служа могучим внутренним стимулом их творчества. А сколько, с другой стороны, грязных преступлений и злодейств должны мы приписать тому же половому инстинкту! Будучи явным образом связан с внутренне-секреторной деятельностью половых желез, инстинкт этот сказывается на протяжении всей нашей жизни, от зрелости вплоть до старости. Принимая во внимание чрезвычайную остроту связанной с ним у многих эмоции, никак нельзя не дооценивать роль этого двигателя человеческой деятельности во всех областях окружающей нас жизни. К прирожденным же стремлениям человеческой природы причисляют также и *стадный*

инстинкт, весьма существенный для социальной жизни. Этот инстинкт, имеющийся и у некоторых животных, проявляется в склонности к жизни совместно с другими особями: некоторые породы птиц и зверей, в отличие от других пород, живут всегда стадами и притом большими, чем то требовалось бы интересами самозащиты. У человека рассматриваемый инстинкт скывается в тягостности одиночества, в обычном для большинства людей стремлении отдыхать в толпе, «на людях», где-нибудь на общественном гулянии или в клубе; у нас имеется некое примитивное влечение «быть вместе». Нельзя не упомянуть, наконец, об *инстинкте любопытства*, связанном с эмоцией удивления. Благодаря существованию у нас этого инстинкта мы заинтересовываемся всем для нас новым—подходим ближе, прислушиваемся, задаем вопросы, сами экспериментируем. Нечто сходное безусловно имеется и у животных: коровы с кажущимся изумлением окружают и рассматривают необычайный предмет, попавший в середину их стада; известно также, сколь любопытны обезьяны, подкрадываясь с жадностью рассматривающие какую-нибудь невиданную ими новинку. Еще лучше каждый из нас знает, как любопытство получившего новую игрушку ребенка очень часто не дает ему успокоиться до тех пор, пока игрушка не окажется анатомированной на мельчайшие составлявшие ее винты и колесики. Значительную долю всех игр маленького ребенка составляет всякого рода *экспериментирование* с кубиками, колесиками, веревочками и т. д. Мы получаем такое впечатление, что ребенку «интересно знать, что будет», если просунуть веревочку в колесико, повертеть крючок, сесть на кубик и т. д., и т. д. Подобный же аппетит к новым опытам движет в позднейшей жизни и взрослым человеком—исследователем, ученым.

Таковы главнейшие инстинктивные двигатели поведения человека.

К числу этих прирожденных реакций некоторые психологи добавляют еще *стремление к подражанию*, «обезьянничание», столь присущее не только детям, и *влечение к строительству* (во что так любят играть дети, мостя, например, стул на стул), а также *чувство собственности*, по Джэмсу, уже на 2-м году жизни сказывающееся в отбирании ребенком у других «моих» игрушек, позже же находящее себе удовлетворение в собирании всякого рода коллекций и даже в научных работах, в «накоплении и собирании знаний».

Как бы ни обстояло дело с каждым отдельным, названным выше, инстинктом, сейчас для нас важно лишь дать понять читателю, что человек вступает в жизнь отнюдь не как простая неоформленная масса воска или как «чистая доска» (*tabula rasa*), но уже при самом рождении носит в себе врожденные предрасположения к определенным системам реакций (инстинкты).

Под влиянием воздействующих на нас впечатлений, под влиянием приобретаемого нами опыта на почве инстинктивных влечений могут вырастать сознательные волевые действия. Для этого нужно лишь, чтобы достигнутый инстинктивно результат нами осознанся бы, как результат именно этих приведших к нему действий; тогда в будущем мы будем уже сознательно осуществлять их, в предвидении конечной, желательной цели. Опыт может также, понятно, и противодействовать осуществлению данного инстинкта. Особенно у существ, одаренных ассоциативной памятью и способностью суждения, какими являются люди, непосредственный инстинктивный импульс часто сталкивается со всякими тормозящими его «но», идущими, однако, в конце-концов со стороны других инстинктивных же влечений нашей природы, приведенных в сопоставление с данным, благодаря деятельности наших памяти и мышления. Так инстинктивное проявление страха может быть подавлено представлениями, будящими в нашем сознании инстинкт гордости или собственного достоинства; инстинктивный страх может быть также вытесняем импульсами, исходящими со стороны и других инстинктов (например, любопытства—при путешествиях в опасных местностях, или нежности—при спасении ребенка, гибнущего под автомобилем); инстинкт половой может быть заторможен в своих проявлениях представлениями о могущих быть последствиях, вызывающих инстинкт страха, и т. д.

Невозможность удовлетворить имеющуюся у нас инстинктивную потребность на прямом, соответствующем ей объекте может часто влечь за собою заменяющее удовлетворение ее на чем-либо другом. Так, лишенные естественного удовлетворения родительского инстинкта, старые девы, как известно, свою «материнскую любовь» часто переносят на кошек и болонок. Венский невропатолог *Фрейд* и его школа обращают внимание на то, что ненаходящие себе естественного удовлетворения сексуальные влечения людей часто переносятся на другие, выс-

ные цели, являясь здесь двигателями художественного творчества и находя себе заменяющее удовлетворение в продуктах его.

Поскольку, однако, мы в праве думать, что всякое впечатление, идущее навстречу тому или иному инстинктивному влечению нашей природы, вместе с тем всегда будит (или способно пробудить) ряд ассоциаций и соображений, служащих стимулом для какого-либо другого инстинкта же, постольку игра инстинктов у нас обычно всегда находится под влиянием и контролем разума, хотя собственно двигательная динамическая сторона и остается за инстинктами (Джэмс).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ.

В. Джэмс. Беседы с учителями по психологии. Изд. «Мир».

М. О'Ши. Роль активности в жизни ребенка. «Московск. Книгоиздательство», 1910.

Мак Дауголл. Основные проблемы социальной психологии. Изд. «Космос». 1916.

Стэнли Холл. Инстинкты и чувства в юношеском возрасте. Изд. «Школа и Жизнь». СПб. 1913.

В. Бехтерев, акад. Общие основы рефлексологии человека. Гос. Издательство, 1923 г.

Уотсон. Психология поведения с точки зрения психолога. ГИЗ, 1925 года.

Л. Джемсон. (Лига Плебс). Очерк психологии. ГИЗ. 1925.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Психическое развитие.

§ 1. Идея развития.

Третьей принципиальной точкой зрения современной психологии, важной и ценной для педагога, является, бесспорно, *идея развития, роста*.

Ребенок не есть маленький взрослый, но существо по своим физическим и психическим чертам *качественно* своеобразное, — подобно тому, как головастики не есть лягушка в миниатюре. Соотношение частей тела у ребенка совсем не то, что у взрослого: всякий легко может видеть, например, что голова у детей непропорционально велика, личико же чрезмерно мало по сравнению с прочей поверхностью головы и т. д. Соответственно с этим и душевный мир ребенка своеобразен и отли-

чен от нашего. Не даром только лишь у человека «детство», т.е. период до достижения уровня зрелости, длится относительно столь долго, захватывая около $\frac{1}{3}$ всей жизни. Так много времени нужно для того, чтобы дитя эволюционировало во взрослого, зрелого человека.

Посмотрим, как же протекает это развитие, какие причины определяют его характер, какие ступени и закономерности могут быть в нем подмечены.

Мы говорим: дитя *развивается*. Тем самым мы уже утверждаем, что в самом ребенке имеются некие движущие его развитие стимулы; об увеличивающейся куче насыпаемого песка мы не скажем, что куча «развивается». И мы, конечно, правы. Ребенок почерпает импульсы к своему развитию «из себя», из тех врожденных инстинктов и задатков, которые у него имеются. Значит ли это, что воздействующие на него впечатления, вся окружающая его среда не оказывают влияния на его развитие?

§ 2. Наследственность и среда.

Мы стоим перед двумя спорящими точками зрения по вопросу о том, что является главным фактором, определяющим психическое развитие: *наследственность или среда*. Крайние позиции в этом споре одинаково не отвечают действительности. Несмотря на несомненность влияния наследственности и врожденности, воспитание, среда, конечно, также обнаруживают свое влияние на каждом шагу. Сколь велика роль «врожденного» в нашей психической жизни, мы уже могли видеть в предыдущей главе при обзоре инстинктов человека: материнству, любопытству и др. инстинктивным влечениям мы не научаемся. С другой стороны, жизнь дает нам неоспоримые примеры того, как эти инстинктивные склонности могут быть под влиянием одной среды развиты, под влиянием другой — подавлены.

Известно, что инстинкт сосания у млекопитающих животных быстро гаснет, если детеныша сразу начинают кормить иным способом. Если окружающие впечатления таковы, что идут навстречу удовлетворению имеющегося инстинктивного влечения, создается привычка к соответствующему характеру действия и врожденные черты сказываются еще явственнее; если же, напротив, впечатления противодействуют данной вро-

жденной склонности, последняя отходит на задний план. Примером может служить хотя бы чрезмерная злобность собак, коих постоянно дразнят, и, напротив, добродушность собак, привыкших к мягкому обращению. Мы знаем также, что врожденная склонность человека к самовыставлению в одних условиях расцветает пышным цветком, превращаясь в несносную кичливость самим собою, в другой же обстановке (под влиянием, скажем, насмешливых шуток со стороны окружающих) постепенно может сойти на нет. Совершенно то же в большей или меньшей степени можно видеть и на других врожденных человеку инстинктах. Нечего особенно распространяться здесь и о том, что воздействующие на нас впечатления могут не только просто усиливать или ослаблять развитие врожденных нам тенденций поведения и чувствования, но способны также бывают изменять их направление, замещая одни объекты приложения инстинкта другими (детское стремление собирать конфетные бумажки может быть направлено на собирание марок и связанных с ними сведений из географии; сексуальность может быть устремлена в русло художественного творчества и т. д.).

Если таким образом крайний нативизм *) и не может быть нами признан, то все же современные научные данные никак не позволяют и недооценивать влияния наследственности.

Явления наследственной передачи внешних, физических признаков от родителей и предков как по отношению к растительному, так и по отношению к животному царству стоят в настоящее время вне всяких сомнений. Августинскому монаху *Грегору Менделю* (1822—1884) обязаны мы здесь установлением точных количественных законов наследственной передачи свойств потомству. Главными из них являются: *правило доминирования (преобладания) и правило расщепления*. Согласно первому правилу, при скрещивании двух особей, одной имеющей признак *A* и другой, имеющей признак *a*, первое поколение помесей (гибридов) всегда будет обнаруживать один из этих признаков и именно тот признак, который является доминирующим (преобладающим). При скрещивании пород гороха с цветными и с белыми цветами таким преобладающим признаком является окрашенность цветка. Таким же доминирующим

*) Т.-е. воззрение, согласно которому уклад личности целиком предопределен врожденными унаследованными чертами. Один из представителей нативизма, философ Шопенгауэр, и полагает, что «воспитание ничего не может сделать с человеком».

признаком у человека оказывается, например, темный цвет глаз. Следует ли из этого однако, что отступающий (рецессивный) признак, имевшийся у родителей, никак на дальнейшем потомстве не отражается? Оказывается, что нет, не следует. Опыты Менделя показали, что во втором поколении этот рецессивный признак появляется, следуя второму менделевскому правилу—правилу расщепления. От скрещивания первого поколения гибридов гороха (обнаруживающего, следовательно, доминирующий признак—окрашенность цветка) с другими такими же гибридами мы получаем известное количество особей второго поколения, $\frac{3}{4}$ коих будут также иметь окрашенные цветы, у одной же четверти всего их количества цветки окажутся белыми. Мендель предложил гипотезу, согласно которой носители материнских и отцовских черт в половых, зародышевых клетках (гаметах) гибридов не смешиваются, но пребывают каждая в своем чистом виде (*гипотеза чистоты гамет*). Таким образом, если мы обозначали через A носителя признака окрашенности цветка, и через a —носителя признака неокрашенности цветка, то в половой клетке происшедшего гибрида будут два сорта гамет— A и a (Aa); в силу преобладания признака A гибрид будет выглядеть так же, как его родитель, имевший этот признак. Если же теперь произойдет скрещивание этого гибрида, имеющего гаметы Aa , с другим таким же гибридом, то произойдет слияние гамет родителей, при чем носители признаков чаще всего берутся поровну от обоих родителей, а общее число этих носителей признаков в половых клетках в результате должно остаться тем же (т.-е. здесь равным двум). Воспользуемся схемой для лучшего уяснения дела:

$A a$ I-я особь	
$\times$	скрещивается с
$A a$ II-я особью.	

Очевидно, что здесь могут произойти 4 случая: или A одного экземпляра сочетается с A другого и даст слияние гамет (зиготу) AA ; или A одного сочетается с a другого, в результате чего получается зигота Aa ; далее, a первого с A второго может дать зиготу aA и, наконец, a первого с a второго зиготу aa . Т.-е. в потомстве нашего гибрида (Aa) возможны AA , Aa , aA , aa —4 случая, из которых в 3 будет проявляться преобладающий признак, в 1-м же скажется признак рецессивный.

Если скрещиваются особи, отличающиеся друг от друга не в одном, а в нескольких признаках, как то обычно в жизни и бывает, то вывод возможных производных зигот будет, конечно, сложнее, принципиально, однако, оставаясь тем же, что и в вышеприведенном простом примере. Оказывается, что наследование человеком цвета глаз, формы волос, той или иной, по наследству передаваемой, болезни следует этим же строгим менделевским закономерностям.

Для нас сейчас важно обратить внимание на то, что наши психические свойства также подчинены наследственности, принципиально поддающейся даже математическому учету.

Мы рождаемся, тая в себе задатки не только вышерассмотренных нами общечеловеческих инстинктов, но и черт и способностей, имевшихся специально у наших родителей и предков. Склонность к злоупотреблению алкоголем, предрасположение к той или иной душевной болезни, ту или иную специальную одаренность (к музыке, к живописи и т. д.) мы несем в себе уже от рождения, в зависимости от того, каково наше происхождение, каковы наши предки. По исследованию *Гальтона*, около 35 % обследованных им выдающихся, знаменитых людей имели выдающихся же отцов или братьев. Хорошо известен пример композитора Баха, род которого насчитывал целый ряд лиц, специально одаренных музыкально. Новейшие исследования наследственной передачи музыкальной одаренности подтвердили приложимость между прочим и в этой области менделевских законов.

Есть указания на то, что аффективные, эмоциональные черты в общем в большей мере являются унаследованными, чем чисто-интеллектуальные способности.

Входить в рассмотрение частных вопросов, касающихся психической наследственности, нам нет, однако, здесь возможности и надобности. Тем более, что большая часть их и не может все же еще считаться окончательно выясненной.

Итак, бесспорно лишь то, что отрицать могучее влияние врожденного—значит вести политику страуса, закрывая глаза на вопиющие факты. Чтобы не впасть, с другой стороны, однако, и в безнадежность фатализма, нам необходимо помнить, что унаследованные свойства наследуются нами, как задатки, *предрасположения*; врожденные же задатки не есть нечто готовое, а только простые *возможности*, нуждающиеся в *дополнении*, чтобы сделаться реальной действительностью. «Задатки ре-

бенка обусловлены наследственно, но не как неизменные принудительные пути, навязанные ребенку предками, а только как общие тенденции, специализация которых зависит от индивидуальной деятельности и внешних воздействий» (В Штерн).

§ 3. Общее направление развития.

Обратимся теперь к другому вопросу. Посмотрим, нельзя ли подметить во всем ходе нашего психического роста какую-нибудь общую тенденцию, какую-нибудь единую для всех людей закономерность.

Посмотрим сперва на психический мир ребенка. На стене мелькнул зайчик от отразившегося в зеркале солнца—дитя спешит поймать и проследить его своим взором, весело хлопая в ладоши и радуясь неожиданной яркой забаве; засмотревшись вверх на стену, оно натывается на стоящий подле стул: раздается громкий плач, ребенок в горе, он бьет «бабаку»—стул—ручонками, пока взор его не попадает на лежащую на стуле и прыгающую при его ударах пуговицу—наш маленький уже забыл обиду и принимается внимательно рассматривать пуговицу, вертя в руках, пока какое-нибудь новое впечатление не привлечет к себе его внимания, что и не заставляет себя долго ждать; проголодавшись, дитя принимается плакать, пока его не покормят. Такова обычная картина жизни ребенка раннего возраста. Его познавательные процессы в значительной мере суть лишь простые ощущения и восприятия органов чувств, т.-е. нечто всецело обуславливаемое идущими извне раздражителями; его чувства в большей мере суть лишь эмоциональная окраска получаемых им впечатлений; поэтому-то горе и радость маленького дитяти столь быстро и сменяют друг друга—нам стоит лишь переменить его ощущения; детские поступки, детская «воля» есть также нечто вполне зависящее от сейчас испытываемых ребенком впечатлений и нечто сейчас же проявляющееся во внешних движениях. Словом, мы в праве сказать, что ум и чувства дитяти находятся во власти наличных впечатлений, а воля сводится к непосредственному ответу на эти же впечатления внешними движениями. Иначе говоря, переживания и поведение ребенка нацело определяются *периферией* (причисляя сюда и ощущения, рождающиеся от раздражения внутренних органов тела). Ощущение непосредственно рождает движение, оно даже слито у дитяти с ним в некое единое целое.

Уже с самых первых лет жизни, однако, отношение между воздействующим впечатлением и ответной реакцией становится *все менее и менее непосредственным*; возникают осложняющие *центральные процессы*. Восприятия начинают вызывать воспоминания, сопоставления воспоминаний, раздумывание; ответ уже не состоит обязательно в непосредственном внешнем движении: мы можем принять решение, осуществлять которое начнем лишь через десять лет... Наша жизненная деятельность движется обычно планами более или менее далекого будущего. Наши эмоции все в большей мере питаются представлениями и ассоциациями их и становятся все более независимы от сейчас наличных воздействий.

Центральные процессы, развившиеся между впечатлением и реакцией, по мере созревания человека, все более и более растут и осложняются. Развивается фантазия, память, размышление, стойкие эмоциональные настроения, мотивированные, заранее обдуманые поступки. Переживания и поведение взрослого, благодаря этому, определяются по преимуществу *центрально*. Приобретая большую независимость от непосредственно окружающей нас среды, мы вместе с тем все расширяем свое общение с миром: наша развивающаяся мысль не знает ни пространственных, ни временных границ. Прав поэт, восклицая, обращаясь к младенцу:

«Крошка-счастливец. Теперь для тебя колыбель безгранична;

Мужем ты станешь—и тесен покажется мир».

(Шиллер.)

Итак, отвечая на поставленный выше вопрос об общем направлении психического развития растущего человека, мы (в согласии с В. Штерном) должны признать, что такая общая тенденция развития имеется и идет *«от периферического к центральному»*.

§ 4. Возрасты.

На фоне подобного общего направления психического развития мы можем конкретнее и ближе характеризовать отдельные ступени его, отдельные *возрасты* растущего человека. В. Штерн разделяет все время роста ребенка на три периода, каждый продолжительностью по 6—7 лет; первый (1—7 лет)

может быть назван детством в собственном смысле этого слова, годы 7—14 лет охватывают период, оканчивающийся отрочеством (10—14) и приводящий нас к возрасту наступающей юности (14—20 лет).

Каждый из возрастов качественно отличается от другого прежде всего по характеру господствующих в нем интересов. Дитя живет непосредственными, воздействующими на него впечатлениями, его интересы в значительной мере удовлетворяются тем, что можно видеть, слышать, пробовать на вкус, осязать и т. п. Словом, детство есть время господства *сенсорных интересов*. Движимый ими ребенок большую часть своего времени проводит в *игре*, играючи выучиваясь управлять своими движениями и, также играя, невольно усваивая уменье членораздельной речи. Годы отроческие (7—14 лет) в общем и целом бывают наполнены *сознательным учением*; помимо того, что это есть возраст обучения в школе, ребенок и сам жадно стремится обогатить свои сведения о мире: он увлекается чтением путешествий, географическими описаниями далеких стран, обо всем расспрашивает. *Интересы* его уже вышли за границы того, что налично, что чувственно дано ему сейчас, однако все же носят *конкретный характер* (его увлекают сведения, касающиеся быта и нравов других народов, пород зверей и т. п.). Наступающая же юность характеризуется *обращением интересов «во внутрь»*; у юноши развивается самоанализ, самокритика, повышенное самолюбие; познанное он стремится привести во внутреннюю связь и самостоятельно развить; «проклятые», философские вопросы все чаще не дают ему покоя; юношу интересуют «идеи», «теории». Л. Толстой в «Детстве и отрочестве» (Отрочество, глава XIX) отмечает эту характерную черту юношеских интересов. «В продолжение года,—пишет он,—я вел уединенную жизнь, все отвлеченные вопросы о назначении человека, о будущей жизни, о бессмертии души уже представлялись мне, и детский, слабый ум мой со всем жаром неопытности старался уяснить те вопросы, предложение которых составляет высшую ступень, до которой может достигнуть ум человека, но решение которых не дано ему... Раз, стоя перед черною доской и рисуя на ней мелом разные фигуры, я вдруг был поражен мыслью: почему симметрия приятна для глаз. Что такое симметрия...» и т. д.

Можно поэтому сказать, что для юности характерно *пробуждение интересов к абстрактному*.

Интересно далее отметить то, что обнаружение отдельных заложенных в нас задатков и способностей в ходе нашего психического развития следует в общем всегда определенной последовательности. Так, например, мы сперва научаемся хватанью, затем беганью, затем речи; овладевая речью, мы сперва проходим стадию употребления существительных, затем сюда добавляются глаголы, а затем уже другие части речи. В общем можно подметить, что биологически наиболее важные для выживания дитяти функции проявляются прежде прочих. Так, инстинкт питания сказывается первым. В самом раннем же возрасте проявляются инстинкты страха и гнева, просыпается любопытство и стремление экспериментировать; инстинкт общительности дает себя знать несколько позже (по моим наблюдениям, лет с 2½, до этого возраста дети обычно не соучаствуют в общих играх, но играют лишь «рядом»); инстинкт половой, как известно, обнаруживается лишь со времени созревания половых желез, что у лиц нашей расы случается: у девочек в возрасте 13—15 лет, у мальчиков же позже—между 14—17-ю годами. Родительский инстинкт часто дает себя чувствовать в полной мере впервые лишь тогда, когда женщина действительно становится матерью или мужчина—отцом, хотя предвестники его расцвета проявляются раньше в обычных играх девочки с куклой.

Интерес к коллекционированию, как показали специальные исследования, бывает особенно ярко выражен в возрасте 10-ти лет, после чего он уже ослабевает. Наконец, анкета, предпринятая Стэнли Холлом, показала, что игра в куклы привлекает к себе американскую девочку больше всего в возрасте 8—10 лет.

(См. приводимую здесь его кривую, где по горизонтальной линии откладывается возраст, а соответствующая вертикальная обозначает число играющих в куклы девочек данного возраста.)

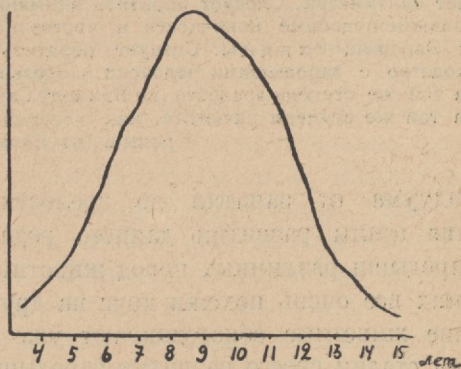

Рис. 5.

Таким образом проявляющиеся в ходе нашего душевного

развития интересы и стремления имеют каждый «свое» время возникновения, расцвета и упадка.

Большая доля искусства педагога и состоит в том, чтобы подметить и использовать в нужном направлении тот или иной интерес ребенка именно в период наибольшего его расцвета — «ковать железо, пока оно горячо».

§ 5. Биогенетический закон.

В науке делались интересные попытки найти какую-нибудь закономерность, ближе определяющую этот порядок появления различных специальных интересов у ребенка. Так, было обращено внимание на открытую биологами закономерность, согласно которой развитие инди-

Рис. 6.

а) Эмбрион (зародыш в теле матери) человека из середины пятой недели. Он сильно увеличен, так как величина на этой ступени не достигает сантиметра. Следует обратить внимание на жаберные щели на шее, плавникоподобные конечности и явственно развитой хвост (по Рабену). б) Зародыш ехидны. Следует обратить внимание на поразительное сходство с зародышами человека и обезьяны, приблизительно стоящими на той же ступени зрелости (по Рихарду Семону). в) Зародыш обезьяны на той же ступени развития, как изображенный выше человеческий зародыш (из Бёльше).

видуума от зачатия до зрелости воспроизводит главные этапы развития данного рода. Было установлено, что зародыши различных пород животных в начальных своих стадиях все очень похожи друг на друга, в то время как выросшие животные обнаруживают уже резкие различия. В ранней стадии своего развития зародыш человека, например, оказывается до чрезвычайности сходным с зародышем обезьяны и зародышем ехидны (особого птицевзвья) (см. рис. 6).

Таким образом развитие зародыша (эмбриональное развитие) раскрывает перед нами как бы нашу родословную, оно показывает нам, через какие животные формы эволюционировал

человек, прежде чем стал человеком. Иными словами, выходит, что индивидуальное развитие каждого из нас (онтогенезис) ускоренно повторяет развитие рода (филогенезис). В этом-то и состоит сущность так наз. *биогенетического закона*. Будучи перенесен в область психики, закон этот требует, чтобы и психическое развитие личности проходило последовательно через главные этапы развития психики, пройденные родом. В ходе нашего психического роста, следовательно, должна быть пора, когда мы воспроизводим в себе душу дикаря, душу первобытного лесного человека, душу обезьяны и т. д., включая душу амфибии, рыбы и др. животных, через которые, как полагают, шла эволюция видов до человека. Увлеченный этой идеей *Стэнли Холл*, стремясь видеть всюду следы «долгого паломничества нашей души через тьму веков», в том, например, что дети обычно очень любят купаться и плескаться в воде, усматривал отзвук тех незапамятных времен, когда все живые существа жили в воде, в детской любви к деревьям и к укачиванию, а с другой стороны, в детской боязни сильных ветров и змей—отзвуки эпохи лесного человека, жившего на деревьях. «Обезьянье» у детей сказывается, помимо прочего, также и в их способности в первые же дни после рождения висеть на руках, обхватив пальцами горизонтальный прут.

Нельзя, однако, говорить о точном воспроизведении филогенеза в индивидуальном психическом развитии. Появляясь на свет, ребенок сразу же попадает в условия, резко отличные от тех, в коих жило соответствующее в данный момент его стадии развития человекообразное существо; унаследованные привычки, приспособления, подражание окружающим, воспитательные воздействия со стороны их, употребление готового языка—все это, конечно, не может не вносить значительных изменений в ход психического развития дитяти, делая «повторение родового развития» лишь весьма приблизительным. Мы не знаем как следует также ведь и того, как эволюционировала психика в ряду животного царства. Едва ли можно поэтому класть вышеизложенный биогенетический закон в *основу* каких-либо конкретных практических мероприятий в педагогике.

Заслуживает, однако, все же упоминания схема последовательного роста различных интересов у ребенка, предлагаемая *Гетчинсоном* в качестве воспроизведения ступеней развития человеческого рода. Гетчинсон делит все время роста на пять периодов, соответствующих пяти периодам прошлой жизни че-

ловечества; основой разделения им принимаются различия в способе добывать себе пищу (см. нижеприведенную таблицу).

№	Периоды.	Их продолжительность	Высшая ступень.	Особенно характерные черты.	Игры и забавы.
1	Копание и рытье земли.	до 5 лет.	3-й год.	Съедобность, как мерило всего; вещи «приятны» или «отвратительны» (на вкус).	Игры состоят в откусывании и отведывании кусков.
2	Охота и захват добычи.	4—12 лет.	7-й год.	Страх перед чужими, действия тайком; равнодушные к боли, почтение героев, жестокость.	Пугание из засады (действия тайком), облава, наступление, засада, нападение врассплах; игра в прятки, игра в «пленного», игра в «войну», «шайки».
3	Пастушество	9—14 лет.	10-й год.	Нежность к животным, желание иметь «что-нибудь свое собственное».	Держание и кормление домашних животных, постройка хижин, рытье подземелий.
4	Земледелие.....	12—16 л.	12-й год.	Развитие предусмотрительности, страсть к садоводству.	Садоводство, выкапывание посевов, чтобы посмотреть, растут ли они, наблюдение за признаками хорошей и дурной погоды.
5	Торговля.	14—40 л.	18—20 г.	Выступление денежных интересов, требование уплаты за услуги, признание значения и «смысла» арифметики.	Обмен, продажа, торговые сделки.

§ 6. Темп развития.

Психический рост, несмотря на неизменность в общей последовательности отдельных его ступеней, у различных лиц совершается весьма *различным темпом*; одни развиваются быстро, другие медленно. «Бывают скороспелые дети, которые вначале развиваются очень быстро (без применения каких-

либо преувеличенных средств воспитания), но позже прогрессируют медленнее, а вскоре достигают возможной для них—вообще не слишком значительной—высоты; бывают медленно созревающие дети, вялое развитие которых в ранние годы позднее сменяется неожиданным подъемом. Эта вторая группа довольно часто достигает более значительной высоты развития, чем первая.

Все, кто имеет дело с маленькими детьми, должны иметь в виду эти возможности индивидуальных вариаций; было бы слишком поспешно по развитию, наблюдаемому в первые годы жизни, предсказывать будущность ребенка в благоприятном или неблагоприятном смысле» (В. Штерн).

Кроме индивидуальных различий в общем темпе психического развития, педагог не должен упускать из вида также и того, что *психическое развитие обычно идет неравномерно*, оно то расцветает, то задерживается в зависимости от разного рода причин, вскрыть которые не всегда бывает одинаково легко.

Определенную и значительную задержку психического развития вызывают такие, часто не замеченные педагогом, явления, как плохое зрение школьника, мешающее ему достаточно ясно видеть то, что пишется на доске, тугоухость, влекущая за собой головные боли и обуславливающая потерю интереса к преподаваемому; наконец, всякого рода болезненные процессы, мешающие ребенку легко дышать через нос, что всегда крайне пагубно отзываясь на внимание, и др. болезненные состояния. Наблюдались также *колебания* в развитии отдельных психических функций и в *зависимости от времени года*. Так, внимание и память у школьников наиболее обострены бывают в период времени от октября до января, весной же и летом умственная работоспособность понижается.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ.

Д. М. Болдуин. Духовное развитие детского индивидуума и человеческого рода. «Моск. кн-ство». 1911.

Э. Мейманн. Лекции по экспериментальной педагогике. Изд. «Мир». 1914. Т. I.

Ю. Филипченко и Морган. Наследственные ли приобретенные признаки. Лнгр. 1925.

К. Бюлер. Духовное развитие ребенка. Изд. «Новая Москва». 1924.

П. П. Блонский. Педология. Изд. «Работник Просвещения». 1925.